

ХАБАРШЫ ВЕСТНИК

**«Филология ғылымдары» сериясы
Серия «Филологические науки»
№ 3 (49), 2014 ж.**

Алматы, 2014

Егембердиева Г. М.

Алматинский технологический университет
кандидат филологических наук, и.о.доцент

ЛЕКСИКА ШВАБСКОГО ДИАЛЕКТА КАЗАХСТАНСКИХ НЕМЦЕВ

Лексика швабского диалекта состоит из бытовых слов, имеет местные различия и распространена на границах определенного диалекта. Она характеризуется конкретностью, бытовым характером, дробностью представления предмета мысли, имеет эмоциональный характер, выражает оценку говорящего по отношению к высказываемому. Носители диалекта владеют немецко-казахским и немецко-русским типами двуязычия, используют в своей речи казахские и русские слова в качестве синонимов к немецким словам. Казахские слова имеют позитивную оценку и выражают положительные ценностные оценки говорящих. Употребление и знание диалекта зависит от возраста, профессии, образования, отношения к диалекту, обстоятельств.

В процессе взаимодействия носителей немецкого языка с представителями других лингвокультурных сообществ в немецком языке появляются заимствованные слова, в первую очередь слова, обозначающие явления национального образа жизни, повседневного быта, накопление в массовом порядке в языках слов, грамматических элементов в процессе контактирования, со временем приобретает системный характер.

Лексика диалектов характеризуется большей эмоциональностью по сравнению с лексикой литературного языка. К.Л. Пфотце, рассматривая лексику диалектов пишет, что «основной причиной наличия в диалектном слове национального немецкого языка эмоциональной лексики являются: преобладание эмоциональных моментов и связанная с ним «игра» фантазии, которая основывается на непринужденности эмоционально-образных и волевых ассоциаций, приводит к развитию в диалекте (в отличие от литературного языка) богатого пласта эмоционально окрашенной лексики и запаса оценочных словообразовательных средств».

Эмоциональная окрашенность диалектных слов формируется в процессе выражения ими оценочного субъективного отношения «к предмету мысли по шкале «хорошо/плохо» или выражения пейоративного, негативного или мелиоративного отношения». В диалектах удельный вес пейоративных обозначений оказывается большим, чем в мелиоративных. Носители диалекта редко расточают похвалу чему-либо, ибо в хорошем они видят нормальное. Отклонения же от нормы подвергаются ими порицанию и критике.

Ключевые слова: диалектная лексика, эмоциональная лексика бытовые слова, двуязычие, смешение языков, отклонение от нормы диалекта.

Қазақстандық немістердің шваб диалектісінің лексикасы

Шваб диалектісінің лексикасы күнделікті тұрмыста қолданылатын сөздерден тұрады және нақты диалектіге ғана тән қасиеттерімен жергілікті жерге байланысты ерекшеленеді. Диалектіде сөйлейтін адамдар – неміс-қазақ және неміс-орыс тілдерін меңгерген адамдар, олар неміс тілінің кейбір сөздеріне синонимдер ретінде қазақ, орыс тілдерінің лексикасын қолданады. Неміс тілінде сөйлейтіндерге қазақ тіліндегі сөздер жатық келеді. Диалектіні білу және қолдану жасқа, мамандыққа, білімге, жағдайларға байланысты болады. Неміс тілінде сөйлейтіндердің басқа лингвомәдени қауымдастықтармен өзара әрекеттестігінің арқасында аталған тілде, ең алдымен, ұлттық өмір сүру салтын, күнделікті тұрмыс жағдайды, сөздердің, грамматикалық элементтердің жаппай пайда болуын көрсететін кірме сөздер пайда болады және келе-келе жүйелі сипат алады.

Диалектілердің лексикасы әдеби тілдің лексикасына қарағанда эмоциялы келеді. К.Л. Пфотце: «диалект лексикасының эмоциялы келетінін және эмоция жайттарының көптеп кездесетінін адам фантазиясымен байланыстырады, ондағы бейнелеп сөйлеудің өзі диалектінің дамуына үлес қосатынын» айтқан.

Диалект сөздердің эмоциялық әсіреленуі ойды жеткізудің жақсы/жаман немесе пейоративті, жағымсыз немесе мелиоративті көзқарасты білдіргенде қалыптасады. Диалектіде сөйлейтін адамдарда орынсыз мақтау өте сирек кездеседі немесе жақсы нәрсені орынды деп есептейді. Диалектіден ауытқу болса сынға ұшырайды.

Түйін сөздер: Диалект лексикасы, эмоциялы лексика, күнделікті тұрмыста қолданылатын сөздер, қостілділік, тілдердің араласуы, диалект ережесінне ауытқу.

Lexicon of the Swabian dialect of Kazakhstan Germans

The lexicon of the Swabian dialect consists of household words, has local distinctions and is widespread on the borders of the certain dialect. It is characterized by specificity, household characteristic, and divisibility of the concept of subject matter idea, has emotional character, expresses the speaker's assessment in relation to the stated utterance. The informants of the dialect own German-Kazakh and German-Russian types of bilingualism using the Kazakh and Russian words as synonyms to the German words in their speech. The Kazakh words have a positive assessment and express a positive valuable appraisal of speakers. The use and knowledge of the dialect depends on age, profession, education, the attitude to the dialect, and some circumstances.

During interoperability of German language informants with representatives of others lingvocultural communities in

German language there are some loan words, first of all the words designating the phenomena of the national way of life, daily life, mass accumulation of words in languages, grammatic elements of language contacts which with the lapse of time get system character.

The lexicon of dialects is characterized by greater emotionality in comparison with lexicon of a literary language. K.L.Pfotse, considering the lexicon of dialects writes, that «a principal cause of availability in the dialect word of emotional lexicon in the national German language are: the predominance of emotional instants and related «game» imaginations which is based on ease of its emotional-shaped and strong-willed associations, leads to rich layer progress of emotionally painted lexicon and to the stock of estimated word-formation means» in the dialect (unlike the literary language).

Emotionally painted dialect words are shaped according to the expression of the estimated subjective attitude «to subject matter of an idea on a scale «well/bad» or expressions peiorative, negative or meliorative attitude». Informants of the dialect seldom waste a praise of something because they see good dialect speech as normal. Deviations from norm of the dialect are exposed by them as censure and criticism.

Keywords: the dialect lexicon, emotional lexicon household words, bilingualism, confusion of languages, a deviation from norm of the dialect.

Диалектная лексика – это в первую очередь совокупность бытовых слов, имеющих местные различия, так как они распространены только в границах, определенного диалекта. Еще В.М.Жирмунский отмечал раздробленность бытового словаря и нераспространенность их, использование диалектной лексики только в пределах диалекта: «сюда относятся названия предметов домашнего хозяйства, пищи и питья, наконец, термины ремесленного производства. Именно в этих странах бытового слова немецкий язык до сих пор сохраняет в пережиточной форме территориальную раздробленность, характерную для докапиталистической эпохи» [1, 98].

В швабском диалекте нами также отмечено использование бытовых слов, функционирующих в пределах данного диалекта. О принадлежности их к швабскому диалекту указывает, во-первых, использование их в речи носителей швабского диалекта; во-вторых, наличие фонетических признаков; в-третьих, территориальная нераспространенность и функционирует в определенной местности.

Вызывает интерес то обстоятельство, что эта конкретная лексика варьируется. К одному и тому же слову – названию предметной лексики существует множество синонимов. И это находит объяснение в том, что в диалектах отсутствуют родовые обозначения, а преобладают видовые наименования, а если они и встречаются, то они в диалектах имеют более узкий объем значения, чем в литературном языке. Так, словом *Pflanze* называют только то, что действительно посажено, «саженец» („Setzling“), но не сорняк. Лексема *der Vögel* ассоциируется у носителей диалекта лишь с маленькими птичками, но не с крупной птицей, как, например, лебеди или фазаны [2].

Это объясняется тенденцией диалектов к специализации названий предметного мира, что ведет к углублению таксонимии, расширению гипонимии. Другая сторона, обобщение, генерализация знаний о мире обнаруживается в появлении гиперонимов, которые служат родовыми названиями. «Обобщенные наименования, необходимые для мышления цивилизованного человека, как правило, редко встречаются в языках народов, стоящих на более низкой ступени общественного развития» [3, с. 60].

О. Есперсен отмечает нехватку гиперонимических (родовых) слов в примитивных языках. Соотношение гиперонимии и гипонимии, абстрактных и конкретных наименований, отражает глубинные диалектические процессы освоения и осознания мира человеком. С углублением опыта происходит подведение его под более рациональные категории, укрупнение видовых представлений [4]. Поэтому Т.В. Строева говорит о необычайной дифференцированной и профессиональной лексике: десятки слов, обозначающих детали каких-либо агрегатов сельского хозяйства, названия скота, разного возраста, пола, назначения. В каждом диалекте это может быть по-разному, но характерно для всех диалектов [5, с. 20-21]. Так, в швабских говорах общее наименование «свиньи»: *das Schwän, der Sau, der Eber, der Barg, Wildes, Waty, Häckel, Hetsch, das Los, Mör*; «поросенок»: *der Eberle, das Ferkel,*

die Saile, der Läufer, die Schlößling (дифференциация по возрасту). Сравните в диалектах казахского языка: *май, байтал, дөнен, құнан, бесті* (дифференциация по возрасту); в русском языке: *теленка* в ярославской области – *молошник* (до года), *полуденник* (от года до 2-х лет), *мякинник* (от 2-х до трех лет); *жеребенок* – *сосун* (до года), *стригун* (от одного до двух лет) и т.д. Дробность представления и идеографическая конкретизация лексики связана с занятиями жителей сельских

местностей и городских окраин сельскохозяйственной и ремесленной деятельностью, поэтому эти два пласта лексики более конкретизированы в диалекте. Более дробные фрагменты лексики соответствуют важным аспектам данной культуры. Согласно точке зрения Г. Хойера, «народы, занимающиеся охотой и собирательством, как например, племена апачей на юго-западе Америки, обладают обширным словарем названий животных и растений, а также явлений окружающего мира. Народы же, основным источником существования которых является рыбная ловля (в частности, индейцы северного побережья Тихого океана), имеют в своем словаре детальный набор рыб, а также орудий и приемов рыбной ловли» [6, с. 157].

В средние века традиционный образ жизни Германии был связан с ремеслом, которое достигло небывалого расцвета. Мастера – представители одной профессии объединялись в городах в ремесленные цеха. Первые цеховые объединения встречаются уже в XI-XII вв. Цеховая организация труда, занятая одним и тем же ремеслом в течение длительного времени, усовершенствование этого вида ремесла ведут к дробному наименованию людей, занимающихся тем или иным ремеслом, поэтому появляются синонимические обозначения действий, трудовых процессов, наименований ремесленников и т.д. В швабском диалекте мы встречаем также видовые наименования, которые выступают как синонимы к основному диалектному понятию. Такие видовые синонимы показывают узкую дифференциацию профессий: *klempnər* (жестянщик), *flaschnər* (изготовитель металлических бутылок), *blechschmied* (изготовитель мелких изделий из жести), *blechschlagər* (разравниватель жести).

Лексика диалектов характеризуется большей эмоциональностью по сравнению с лексикой литературного языка. К.Л. Пфотце, рассматривая лексику диалектов пишет, что «основной причиной наличия в диалектном слове национального немецкого языка эмоциональной лексики являются: преобладание эмоциональных моментов и связанная с ним «игра» фантазии, которая основывается на непринужденности эмоционально-образных и волевых ассоциаций, приводит к развитию в диалекте (в отличие от литературного языка) богатого пласта эмоционально окрашенной лексики и запаса оценочных словообразовательных средств» [7, с. 314].

Эмоциональная окрашенность диалектных слов формируется в процессе выражения ими оценочного субъективного отношения «к предмету мысли по шкале «хорошо/плохо» или выражения пейоративного, негативного или мелиоративного отношения» [8]. В диалектах удельный вес пейоративных обозначений оказывается большим, чем в мелиоративных. Носители диалекта редко расточают похвалу чему-либо, ибо в хорошем они видят нормальное. Отклонения же от нормы подвергаются ими порицанию и критике. Носители диалекта насмешливо относятся к тому, что ненормально. Поэтому в диалектах много бранной лексики. Именно такая лексика выражает насмешку, эмоции, гнев носителей диалектов. Диалектная лексика выражает функцию выражения эмоций человека, поэтому в диалектах фиксируется множество слов, группирующая вокруг понятий «ругать, брань», сравните: *Schempforte* (на литературном немецком языке: *das Schimpfwort*), *Geschempforte* (на литературном немецком языке: *das Geschimpfworte*). Эти слова имеют множество синонимов: *auschemfen* (*ausschimpfen*), *kiäfen* (на литературном немецком языке: *keifen* – браниться), *hiəmleuchtn* (на литературном немецком языке: *heimleuchten* – отбрызнуть), *vuəd bekomn* (на литературном немецком языке: *Wut bekommen* – разбушеваться) [9], *bais sagt* (на литературном немецком языке: *böse sagen* – говорить что-либо злое), *bē'nə* (на литературном немецком языке: *belfern* – ругаться, браниться), *dū'nə* (*donnern* – разразиться бранью).

Лексика швабского диалекта в процессе функционирования в иноязычном окружении, проявляет языковой изоморфизм и адаптабельность, что проявляется, в первую очередь, в заимствовании слов из других языков.

Большинство слов из казахского языка заимствованы в немецкие диалекты еще в конце XIX и начале XX веков, когда немцы переселились в Казахстан, здесь они впервые столкнулись со многими понятиями, которые отражают быт и культуру казахского народа, а лексика, соответствующая этим понятиям, в немецких диалектах отсутствовала. Это обусловило появление семантических пустот, которые и стали заполняться соответствующей лексикой из казахского языка [10].

Появление в диалекте местных слов (казахских, русских) связано кроме того с функционированием данного языка в полиэтнической среде, в условиях разноязычных контактов и развития немецко-казахского и немецко-русского двуязычия. Именно в процессе взаимодействия носителей немецкого языка с представителями других лингвокультурных сообществ в немецком языке появляются заимствованные слова, в первую очередь слова, обозначающие явления национального

образа жизни, повседневного быта, накопление в массовом порядке в языках слов, грамматических элементов в процессе контактирования со временем приобретает системный характер. И в этом случае можно говорить о конвергенции как уподоблении конвергирующего языка и его опрощению. Г. Шухардт говорит о двух направлениях конвергенции: 1) тенденции к уподоблению конвергирующего языка второму; 2) тенденция к опрощению [11, с. 73-78]. Эти два направления конвергенции взаимосвязаны следующим образом: опрощение действует в пределах уподобления, а уподобление осуществляется в пределах опрощения [12, с. 43].

На основании изучения конвергентных изменений в истории французского языка Э. Виндиш высказал положение, получившее впоследствии название закона Виндиша: смешению (конвергенции) поддается, прежде всего, родной язык под влиянием чужого [13].

Основные направления конвергенции (уподобление и опрощение) реализуются в процессе длительного взаимодействия контактирующих языков, когда сближение языков происходит вследствие таких контактов языков, как интеграция, смешение языков. Под данным термином следует понимать взаимопроникновение элементов одного языка в другой [14], например: «плита» *plit*, «пышка» *pišge*, «блины» *pline*, «кружка» *kruške*, «банка» *pange*, «крылец» *krilits*, «кофта» *kofda*, «очередь» *odžer*, «посылка» *pa'silge*; *i sa:d a:ner n-pensio'n'er* (я пенсионер) /Информант: Фукс Э., г.Иссык /. Языковая диффузия осуществляется различными путями: 1) путем проникновения; 2) в результате заимствования; 3) вследствие переноса грамматических форм и элементов из одного языка в другой. *Проникновение* – это процесс, имеющий место в случаях территориальной смежности и пограничного двуязычия. Еще В.Г. Гейнц говорил о возможности включения фонем русского языка в немецкую речь, в частности, он отмечал эту особенность в верхненемецких говорах Омской области: «хотя в первый период заимствования в системе говора не возникает новых фонем, фонологическая структура на новом этапе не остается прежней. Из русского языка переходят в говор новые сочетания фонем, новые комбинации, которые в лексеме говора раньше не встречались: *тк, шт, чк*» [15].

В швабском диалекте жителей Павлодарской области наблюдается употребление фонем русского языка. Они включаются в фонетическую систему швабского говора жителей этой территории. В процессе полевых исследований нами были записаны слова, в которых встречаются эти сочетания звуков, например: *kabatschki* (кабачки), *petschka* (печка), *galuschka* (галушка) и др.

Заимствования – это процесс перенесения слов из одного языка в другой в результате культурного обмена между народами в области материально-духовной деятельности, когда в заимствующий язык входят названия религий (обозначения специфичных предметов быта другого народа, предметов материальной культуры, терминов и др.), например, в швабском диалекте употребляются следующие реалии из казахского языка: *airan, schalap, talkan, ipimuiк, курт, besbarmak, akim, kun, boran, talkan, sacksaul, orman, kumus* и др.

Перенесение – это перенос грамматических элементов и форм из одного языка в другой путем транспозиции грамматической формы и грамматического значения (словообразовательные форманты, способы образования слов, словосочетаний, возникновение у них общих структурных свойств) вследствие длительных и интенсивных контактов между конвергирующими языками. По нашим наблюдениям, перенос русских и казахских грамматических элементов в швабский диалект не наблюдается.

Полное смешение языков – конвергенция имеет место в случаях длительного двуязычия народов, сосуществующих в пределах одной территории. При этом не происходит смены языков. Смешение не создает нового языка, ибо после периода длительного двуязычия побеждает один язык и этот последний является «нечистым», «смешанным» и это опять-таки не какой-нибудь новый язык, а именно один из двух, участвовавших в процессе смешения [16, с. 77].

Такой смешанный язык имеет ингредиентный состав и включает в себя определенные страты (адстрат, инстрат, суперстрат, перестрат, субстрат и др., например: *аяз, сот, акимат, кала, округ, РНН, СИК, бизнесмен, ноутбук, блины* и др.). Понятие *субстрата* применительно к случаям нейтрального взаимодействия языков, при котором не происходит растворения одного языка в другом и этнического смешения. Контактующие народы сохраняют этническую и языковую самостоятельность. *Адстрат* является результатом естественно-прямых контактов народов, не опосредованных письменностью и протекающих в низших разговорно-бытовых и производственных сферах. Так, в случае бытовых контактов немецкого, русского и казахского населений, проживающих в пределах одного села, района, контактирующие языки сохраняют свою самостоятельность и используются в качестве соседних языков. Специфика адстрата заключается в том, что в зоне

контакта отмечается немецко-казахский или немецко-русский билингвизм, но вне зоны контакта языки полностью сохраняют свои функции. В результате таких контактов в немецком диалекте появляются бытовые заимствования такие, как: слова и выражения русско-немецкого языка казахстанских немцев. Эти заимствования были отобраны нами в ходе полевого наблюдения, а также при помощи метода включенного наблюдения.

В результате наших наблюдений мы записали ряд слов казахского языка, которые были использованы носителями швабского диалекта. Распределение их по тематическим группам показывает следующее: 1) названия пищи, продуктов, блюд атрибутов казахской кухни: *airan, schalap, talkan, ірімшік, қурт, besbarmak, kumus, saba, kese, sut, mai* и др. Например, когда мы спросили у информанта Функнер В.А., что ей нравится из казахских блюд, она ответила: *mr gfall irimschik* (Мне нравится иримшик) /г.Алматы/; 2) национальные игры: *kokpar, baıza, asik, kis, kun* и др. У информанта Сайбель А.А. мы спросили о национальных играх в Казахстане и получили ответ: *kokpar, ds war sele vorziglich* (Кокпар, это было превосходно) /г.Иссык/; 3) наименования одежды: *tšapan, kimeschek, ton, tulup, malahai, saptama* и др., например: *ton fende i praktisch* (Шуба практичная). /Информант Бауэр В.И., г.Павлодар/; 4) общественно-бытовая культура: *kalim, akim, kun, dombra, toi, kuda, as, barimtal* и др., например: *I hob kalym kriagt* (Я получил калым). /Информант Эмих Ю.А., Северо-Казахстанская область/; 5) флора и фауна казахской степи: *aul, dschut, asu, aksu, arhar, keklik, usen, kujan, okl, koi, teke, kaskir, tasi, bee, taigan, berkut, altša, kük, sacksaul, orman* и др., например: *E bisle voet veg hot mr kaskir* (Чуть дальше были волки) /Информант Шварц И.К., г.Караганда/; 6) наименования лиц: *kis, ata, apa, xatun, tsaban, tsabandos, barimtasch, mulla, damulla, baxci, buln, schal, kojan* и др., например: *mädle hoes kis* (девочка по-казахски *қыз*) /Информант Циберт Э.Е., г.Павлодар/; 7) наименование сословных групп: *türe, bai, malai, kara taban, ak suiek, kedei* и др., например: *türe bar in unsrm dop* (в нашей деревне много торе) /Информант Шульц Н.Т., Павлодарская область/; 8) наименования метеорологических понятий: *boran, tutek, kar, koktem, kis, daul, beskunak* и др., например: *koktemde blut al* (весной все цветет) /Информант Дильман А.А., г.Алматы/; 9) наименование орудий труда: *shalgi, balga, balta, ketpen, kurek, arken, kuruk, kamschi* и др., например: *wr hob alls in hus: balga, balta, kuruk* (У на все есть дома: молоток, топор, лопату) /Информант Безганс А.Б., Павлодарская область/.

Взаимодействия между немецким диалектом, русским и казахским языками наблюдается в устной (между носителями языков) и в письменной (делопроизводство, служебно-административная, финансово-экономическая переписка, деловые отношения) форме. Устное речевое общение, предполагающее непрерывность непосредственных контактов социалем и их представителей, имело место в сфере повседневной, бытовой, производственно-экономической, торговой деятельности, предопределяемой общности материальной культуры и природных условий страны. Устно-письменные контакты преобладают в сфере административного управления, судопроизводства, делопроизводства, школьного обучения, в сфере публицистики и др. Б. Хасанулы приводит целый ряд заимствований из немецкого языка (около 30 групп), вошедших в казахский и русский язык из немецких островных диалектов [17], например такие слова как: *бухгалтер, вексель, штемпель, ефрейтор, лагерь, штаб, галстук, штиблеты, верстак, стамеска, фуганок, шпинат, ландшафт, курорт* и др.

Нами отмечены слои инстратной лексики, которые вошли в лексику швабского диалекта из казахского и русского языков, например: а) служебно-административная: *аким, секретарь, менеджер, әкімшілік, құрылтай* и др.; б) финансово-экономическая: *бизнесмен, фирма, сауда, кәсіпкер, банк, контракт, кеңсе, корпорация* и др.; в) деловые отношения: *контакт, деловая встреча, переговоры, этикет, совещание, отырыс* и др.

Наши наблюдения над составом лексики швабского диалекта на материале среза состояния швабской лексики показали, что явления субстрата, инстрата и перстрата не характерны для швабских говоров, поскольку заимствование лексики происходит в низких (бытовых сферах), поэтому мы можем говорить только о субстратном ингридиенте заимствованной лексики в швабских говорах. Эти заимствования диахронического плана, которые имели место в процессе перманентных контактов швабского диалекта с другими языками, в частности с казахским и русским языками.

Состояние заимствования на синхроническом уровне позволяет говорить о том, что заимствования

слов из казахского и русского языка все еще имеет место, так как носители диалекта владеют немецко-казахским и немецко-русским типами двуязычия. Исследование речи двуязычных жителей (на основе метода полевого анкетирования) показало, что в основном преобладает смешанная немецко-казахская, немецко-русская речь носителей швабского диалекта в своей речи они используют многие казахские и русские слова в качестве синонимов к немецким словам, а также в оценочной функции. Такие русские и казахские слова стилистически маркированы, ср.: *шишка, жулик, коновал, баба, лодырь, лодырничать, начальник, гулять, разгуливать, зубрить, вдалбривать, той, бата, дурыс*, и др.

А.Г. Шультмейстер, рассматривая экспрессивность заимствованной лексики из русского языка, отмечает, что они представляют собой стилистически маркированные слова, причем они выражают отрицательную экспрессию [18].

Материалы нашего исследования показывают, что казахские слова, наоборот, имеют позитивную оценку и выражают положительные ценностные оценки говорящих. Так, в речи носителей швабского диалекта жителей Карагандинской, Павлодарской, Алматинской, Северо-Казахстанской областей нами отмечено использование следующих казахских слов: *дастархан, бата, курт, аул, besbarmak, kumus, akim, koi, kisjak, sut, mai, asik, ton* и др., например: *I wohn hiär. Di Nochbern öbäd kommn, sea bringet talkan, ipimuiik*. /Информант: Зайбель А.М., г. Караганда/. В следующей ситуации информант спел нам песню: *trom sag i noch einmal, schen is die Jugendjohr*, (хочу еще сказать, прекрасно время молодое) затем добавил, *хорошее было время, тойлан жүрдік* /Информант Вернер А.А., г. Алматы/. А бабушка немецкой национальности из села Павлодарское Беккер А.И. рассказывала о своих детях, которыми она гордится, при этом она говорила в основном на казахском языке, на прощание она дала свое благословение: *бата*.

Другой информант рассказывал, как сложно было дать имя дочери. Родители у него немецкой национальности, а родители супруги казахской национальности. Хотелось сделать всем приятное, не обидеть никого. Они с супругой долго думали и решили дать имя *Альминур*, которое соединило красивое немецкое имя *Alma*, созвучное казахскому слову *ал* (сила), плюс казахское слово *нур* (луч). В результате все бабушки и дедушки были довольны. Вторую дочь назвали Елдана /Информант Шнайдер В.А., г. Павлодар/.

По нашим наблюдениям, употребление и знание диалекта зависит от различных факторов: возраста, профессии, образования, отношения к диалекту, обстоятельств. Старшее поколение (свыше 65 лет) пользуется диалектом чаще, чем среднее (свыше 40 лет), так как в зрелом возрасте слышали речь родителей на диалекте, разговаривали дома на диалекте. В последнее время, по рассказам информантов, в связи с уменьшением числа носителей диалекта, «не с кем говорить на диалекте. Диалект забывается» /Информант: Эзау В.А., г. Алматы/. Молодое поколение изучает литературный немецкий язык в образовательных учреждениях, диалектом не владеют, что подтверждают наши исследования на наличие носителей швабского диалекта в образовательных учреждениях Карагандинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Алматинской областей.

Носители швабского диалекта на территории Казахстана полиязычны, т.е. владеют двумя (диалект, казахский язык), тремя (диалект, казахский и русский языки) и четырьмя языками (швабский диалект, литературный немецкий язык, казахский, русский языки), что подтверждают вышеприведенные примеры.

Таким образом, анализ лексики швабского диалекта показывает, что она, как и всякая другая диалектная лексика, характеризуется конкретностью, бытовым характером, дробностью представления предмета мысли, имеет эмоциональный характер, выражает оценку говорящего по отношению к высказываемому. Состав лексики швабского диалекта неоднороден, в нем встречаются заимствования из казахского и русского языков, проникшие в язык в результате перманентных контактов немецкого населения с казахским и русским народом. В разговорах носители швабского диалекта полиязычны, т.е. в речи используют диалектные, казахские и русские слова.

- 1 Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М., 1965. – 406 с.
- 2 Филичева Н.И. Диалектология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1983. – 192 с.
- 3 Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – Киев: Знання, 2004. – 326 с.
- 4 Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958. – 380 с.
- 5 Строева Т.В. Немецкая диалектология. – Л., 1985. – 89 с.
- 6 Хойер Г. Антропологическая лингвистика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1999. – Вып. XXVIII. – С. 44-66.
- 7 Pfitze H. Die deutschen Mundarten // Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. – Leipzig, 1969. – Bd. 1. – S. 312-316.
- 8 Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin, München, Wien, Zürich, New York, 2002. – 1217 S.
- 9 Kossmann L.S. Deutsche Phraseologie. – М., 1964. – 243 с.
- 10 Штаб В.А. Социолингвистическое исследование языка немцев в Казахстане: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 23 с.
- 11 Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. – М.: Наука, 1950. – 274 с.
- 12 Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. VI. – С. 25-60.
- 13 Windish E. Zur Theorie der Mischsprachen und Lehrwörter. – Leipzig, 1887. – S. 18.
- 14 Гейнц В.Г. Фонетический строй верхненемецкого говора в Омской области: автореф. ... канд. филол. наук. – Омск, 1971. – 25 с.
- 15 Карлинский А.Е. О некоторых основных понятиях теории взаимодействия языков // Зарубежное языкознание и литература. – Алма-Ата, 1973. – Вып. 3. – С. 9-15.
- 16 Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. – М., 1982. – 310 с.
- 17 Хасанов Б.Х. Русский язык как язык межнационального общения в Казахстане. – Алматы: Наука, 1976. – 257 с.
- 18 Шулмейстер А.Г. Экспрессивность заимствованной лексики в нижненемецком диалекте // Вопросы диалектологии. – Омск, 1983. – С.207-219.